

На правах рукописи

Тимофеев Дмитрий Владимирович

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2011

Работа выполнена на кафедре истории дореволюционной России
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Челябинский государственный
университет» (ФГБОУ ВПО «ЧелГУ»)

Научный консультант – доктор исторических наук, профессор
Нарский Игорь Владимирович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Медушевский Андрей Николаевич

доктор исторических наук,
Шкерин Владимир Анатольевич

доктор исторических наук, профессор
Сибиряков Игорь Вячеславович

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образова-
тельное учреждение высшего профессионального
образования «**Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина**».

Защита состоится « 21 » марта 2012 г., в 13 часов на заседании объединенного
Диссертационного Совета ДМ 212.296.04. по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора исторических наук при ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет» по адресу: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-
в, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Челябинского
государственного университета по адресу: г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных,
129, к. 205.

Автореферат разослан « » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

А. А. Пасс

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Обращение современных историков к истории общественно-политической мысли происходит на фоне начавшегося в конце XX столетия процесса взаимного сближения различных политических идеологий. В большинстве развитых стран мира важнейшими инструментами достижения преимуществ в конкурентной политической борьбе является способность представителей различных политических сил четко сформулировать свои программные установки, по-разному расставляя смысловые акценты при употреблении таких социально-политических понятий как «свобода», «закон», «собственность», «государство», «гражданин», «гражданские права», «конституция» и «революция». Используемые в различных сочетаниях и контекстах, все эти понятия оказывают существенное влияние на процесс формирования политических взглядов и действия граждан.

Такое положение характерно не только для процесса взаимной интеграции политических идеологий в конце XX – нач. XXI вв., но и для времени их идейного становления. В данном контексте особую актуальность для понимания закономерностей процесса трансформации общественно-политических настроений в современном мире приобретает исторический опыт освоения принципов свободы личности, неприкосновенности собственности, верховенства закона и народного представительства до времени формально-доктринального закрепления постулатов либерализма и консерватизма. В исторической ретроспективе аналогичные процессы происходили в России с конца XVIII – первой четверти XIX вв., когда активное освоение принципов европейской «политической экономии» и философии сопровождалось попытками проведения различных социально-экономических и политических преобразований.

Проведение подобного рода исследований актуально и для развития исторической науки, т.к. изучение понятийно-категориального лексикона людей прошлого позволит более точно реконструировать их мировоззрение, выявить логические и ассоциативные связи, которыми они руководствовались при обосновании своих практических действий, а, следовательно, поможет историкам избежать «осовременивания» социально-политического языка изучаемого времени в результате некорректного использования различных терминов и понятий.

Объект исследования – представления образованных российских подданных о содержании заимствованных из Европы политических и экономических концепций и возможности их адаптации для решения наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем.

Применительно к теме данного исследования под категорией «*образованные российские подданные*» подразумеваются представители различных сословных групп, активно выражавшие свою позицию по наиболее актуальным проблемам экономического и социально-политического развития страны. Они обращались с исками о защите своих интересов в различные судебные инстанции, направляли письма и статьи в журналы, составляли проекты преобразований, всеподданнейшие прошения, «особые мнения» и записки, а также были авторами учебных пособий, научно-публицистических произведений, справочных изданий и др. тек-

стов, в которых посредством употребления ключевых для описания европейских либеральных принципов понятий зафиксированы представления о содержании, возможных негативных и позитивных последствиях проведения в России административных и социально-экономических преобразований.

Предмет исследования – использование образованными российскими подданными понятий «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция», «просвещение» для выражения своей позиции по наиболее актуальным социально-экономическим и политическим проблемам, а также для обоснования практических действий.

При формировании комплекса исследуемых социально-политических понятий использовались следующие *критерии отбора*: 1) концептуальная нагруженность каждого понятия. Все исследуемые понятия были системообразующими категориями при формулировке принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, конституционного правления и сословного представительства в переведенных на русский язык в первой четверти XIX в. работах известных европейских авторов; 2) общеизвестность и многократность употребления понятия в текстах источников различной видовой принадлежности; 3) понятие должно быть элементом системы понятий, используемой для описания окружающей социально-политической реальности и решения наиболее актуальных экономических и социально-политических проблем. С начала XIX в. в ряду таких проблем современники называли необходимость интенсификации российской экономики, упорядочения системы законодательства и отмены «рабства» крестьян, а также повышения эффективности системы государственного управления.

Цель исследования – определить особенности понимания образованными российскими подданными либеральных европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, равенства гражданских прав, конституционного правления и создания выборных органов сословного представительства в России первой четверти XIX в.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

– выявить содержание, положительные и отрицательные контексты употребления основных социально-политических понятий в текстах российских авторов и законодательстве последней трети XVIII – нач. XIX вв.;

– сопоставить значения социально-политических понятий в текстах российских авторов с заимствованными из работ европейских мыслителей либеральными принципами;

– определить взаимосвязь и содержание понятий «свобода» и «собственность» в рамках дискуссий о факторах и приемлемых инструментах интенсификации российской экономики;

– установить соотношение понятий «государство», «закон», «гражданин» и «гражданские права» в контексте решения проблемы модернизации российского законодательства;

- выявить различные трактовки понятий «свобода», «рабство», «собственность» и их влияние на выработку стратегии и тактики отмены крепостного права;
- провести анализ смысловых взаимосвязей понятий «конституция», «революция» и «просвещение», используемых современниками для описания перспектив политического развития страны;
- сопоставить провозглашаемые в работах европейских авторов принципы с нормами российского законодательства;
- сравнить содержание предписываемых действовавшим российским законодательством моделей поведения и идейную направленность практических действий, необходимость которых обосновывалась с помощью основных социально-политических понятий.

Хронологические рамки исследования – первая четверть XIX в. – охватывают период активного проникновения и адаптации в России европейских либеральных принципов. При этом в связи с тем, что все исследуемые социально-политические понятия не были новыми в лексиконе образованного российского подданного и имели исторически сложившиеся значения и контексты употребления, которые оказывали непосредственное влияние на характер усвоения европейских принципов, в работе анализируются тексты российских и зарубежных авторов последней трети XVIII в.

Территориальные границы исследования охватывают центральные, северо-западные и западные губернии Российской империи. Такая пространственная локализация исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, на данной территории существовала относительно развитая сеть средних учебных заведений и университетов, что оказывало влияние на уровень образованности населения; во-вторых, на территории указанного региона издавались и имели широкое распространение анализируемые в работе общественно-политические журналы; в-третьих, именно жители центральных, северо-западных и западных губерний проявляли наибольшую активность в составлении проектов, записок, мнений и т.п. текстов.

Научная новизна исследования.

1. Предложены новые принципы проведения исследований по истории общественно-политической мысли, выработанные в результате синтеза методологических установок немецкой школы истории понятий (Begriffsgeschichte) и англосаксонской History of Concepts.
2. Наряду с использованием опубликованных ранее материалов, в научный оборот вводятся ряд неизвестных источников, содержание которых позволяет существенно дополнить и уточнить позицию государства и представителей образованной части российского общества первой четверти XIX в. по вопросу о способах интенсификации российской экономики, решения крепостного вопроса, модернизации законодательства и повышения эффективности системы государственного управления.
3. Впервые проведен комплексный сравнительно-контекстуальный анализ использования основных социально-политических понятий в словарях, законодательных актах, периодических изданиях, учебных пособиях и хрестоматиях, справочных изданиях, духовных завещаниях, материалах следственных дел, докла-

дах, журналах заседаний Государственного Совета, проектах преобразований, уставах и программных документах различных официальных и тайных обществ, источниках личного происхождения. В результате были выявлены позитивные и негативные контексты употребления основных социально-политических понятий, а также логические и ассоциативные взаимосвязи между ними, которые оказывали влияние на процесс трансформации в сознании образованного российского подданного европейских либеральных принципов.

4. Впервые выявлены культурные механизмы корректировки значений европейских социально-политических понятий, обусловившие внутреннюю противоречивость транслируемых государством предписаний и деклараций, а также ожиданий российских подданных и направленность их практических действий.

Практическая значимость. Результаты исследования позволяют определить причины и закономерности процесса адаптации европейских идеологий в России первой четверти XIX в. Предлагаемые методологические установки и методы изучения истории общественно-политической мысли могут быть применены в исследованиях хронологически более поздних этапов эволюции российского либерализма и консерватизма. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории общественно-политической мысли России, а также спецкурсов по истории российской политической культуры.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета. Основные положения и результаты исследования изложены в монографиях и статьях, а также были представлены в форме докладов на международных и всероссийских конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Челябинске, Нижневартовске. Материалы диссертации являются основой преподаваемого на историческом факультете Челябинского государственного университета спецкурса «Российский консервативный либерализм первой половины XIX века».

Структура диссертации соответствует задачам и внутренней логике исследования и состоит из введения, пяти глав, заключения, списка условных сокращений, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дано обоснование актуальности темы, определены цель, объект и предмет, указаны хронологические и территориальные рамки исследования.

В первой главе – «Историография, методологические основания и исторические источники» дана характеристика степени изученности проблемы, изложены основные теоретико-методологические установки исследования и проанализирован комплекс используемых в работе исторических источников.

В §1 – «Историография исследуемой проблемы» – представлен анализ основных тенденций в отечественной и зарубежной историографии по истории реформ, общественно-политической мысли и современной истории понятий.

Множество исследований, в которых отражены различные аспекты процесса адаптации европейских принципов в России первой четверти XIX в., можно разделить на *три проблемно-тематических комплекса*.

Первый проблемно-тематический комплекс представлен исследованиями по истории реформ в России первой четверти XIX в. В дореволюционный период направленность и причины изменений внутриполитического курса рассматривались в тесной взаимосвязи с эволюцией взглядов российского самодержца и характера его взаимоотношений с ближайшим окружением. В данном контексте показательными являются исследования отечественных историков второй половины XIX – начала XX вв.: А.Я. Градовского, Н.Ф. Дубровина, А.А. Корнилова, М.В. Овчинникова, А.Н. Пыпина, В.И. Семевского, Н.К. Шильдера, В.Е. Якушкина, Вел. князя Николая Михайловича и др.¹.

После революции 1917 г. тема правительственного реформизма отодвигается на второй план. Главными причинами противоречий между декларациями и реальными действиями власти, как правило, называлось отсутствие объективных предпосылок и стремление Александра I, прикрываясь либеральной риторикой, укрепить собственную власть. Такой взгляд на проблему реформ в России представлен, например, в работе А.Е. Преснякова и курсе лекций С.Б. Окуня². Частичное возвращение к истории реформ в России как сложному и многофакторному процессу произошло лишь во второй половине 1950-х гг. Одним из тех, кто в это время всесторонне исследовал проблемы реформ в России первой четверти XIX в., был А.В. Предтеченский³.

Активизация исследовательского интереса к проблемам реформ произошла во второй половине 1980-х – 1990-е гг. Особое место в ряду исследований данной проблематики занимают работы С.В. Мироненко, М.М. Сафонова, В.В. Ильина, А.С. Панарина, А.С. Ахиезера, А.Н. Сахарова, А.Н. Цамутали⁴.

Сложность и многогранность процесса подготовки и проведения преобразований обусловили появление целого ряда исследований, посвященных отдельным направлениям реформаторских усилий правительства в первой четверти XIX в. Причины возникновения и масштабы стоявших перед правительством экономических проблем, отношение российского общества в годы правления императора

¹ См.: *Градовский А. Я.* Начало русского государственного права. СПб., 1875; *Овчинников М. В.* Император Александр Первый и его царствование. СПб., 1877; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // *Русская старина*. 1892, янв.; *Корнилов А. А.* Курс истории XIX века. М., 1993; *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900; *Семевский В. И.* Либеральные планы в правительственных сферах // *Отечественная война и русское общество*. М., 1912; *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., Т. 1–4. 1897; *Якушкин В. Е.* Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1906; *Великий князь Николай Михайлович*. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 1–2. СПб., 1903.

² См.: *Пресняков А. Е.* Александр I. Пгт., 1924; *Окунь С. Б.* История СССР: годы 1796–1856. Курс лекций. Л., 1939.

³ См., например: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957.

⁴ См.: *Сафонов М. М.* Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989; *Он же.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX века. М., 1990; *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996; *Сахаров А. Н.* Александр I: жажда и боязнь реформ // *Вестник Российской Академии наук*. 1994. Т. 64. № 10. С. 938–943; *Цамутали А. Н.* Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России*. СПб., 1996. С. 201–281.

Александра I к идеям либеральных европейских экономистов – все эти вопросы были предметом изучения в работах В.В. Святловского, И.Г. Блюмина, С.М. Геворкяна, А.П. Погребинского, А.В. Аникина, В.А. Павлова, В.Т. Рязанова, Р.А. Белоусова и др.⁵.

Не менее важным аспектом проблемы реформирования России первой четверти XIX в. был вопрос о соотношении правительственной политики и различных проектов освобождения крепостных крестьян. В историографии по этому вопросу можно выделить две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, предметом изучения историков было законодательное закрепление имущественных прав помещика и личной зависимости крестьян. К этой группе относятся работы Ю.В. Готье, М.В. Довнар-Запольского, И. Катаева, И.Д. Ковальченко, А.Б. Каменского⁶. С другой стороны, пристальное внимание исследователей привлекала история разработки проектов решения крестьянского вопроса. В данном контексте проблема отмены крепостного права представлена в работах В.И. Семевского, В.В. Бирюкович, Н.М. Дружинина, М.М. Сафонова, Э.Н. Филипповой, В.А. Писемского, Н.И. Сергеевой, А.Н. Медушевского, А.Н. Долгих⁷.

Второй проблемно-тематический комплекс представлен исследованиями по истории общественно-политической мысли в России первой четверти XIX в. и включает в себя две группы работ, в которых рассматриваются различные аспекты процесса адаптации европейских принципов.

К первой группе относятся исследования по истории российского конституционализма первой четверти XIX в. В дореволюционной историографии основное внимание было обращено на особенности восприятия конституционных идей им-

⁵ См.: Святловский В.В. История экономических идей в России. Т. 1. Птг., 1923; Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.-Л., 1940; Геворкян С. М. Борьба фритредеров и протекционистов в первой четверти XIX века. М., 1953; Погребинский А. П. Очерки по истории финансов дореволюционной России XIX–XX веков. М., 1954; Аникин А. В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990; Павлов В. А. История российской политической экономии. М., 1995; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; Белоусов Р. А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001.

⁶ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003; Довнар-Запольский М. В. Страницы из истории крепостного права в XVIII–XIX вв. М., 1906; Катаев И. Законодательство о крестьянах при императорах Павле I и Александре I // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911; Ковальченко И. Д. Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX в. М., 1967; Каменский А.Б. Крестьянская собственность в законодательстве XVIII века // Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв. Проблема собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998.

⁷ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888; Бирюкович В. В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Птг., 1921. Кн. I. С. 63–79; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне в дворянских и правительственных проектах 1800–1833 гг. // Исторические записки. Т. 7. М., 1940. С. 149–181; Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Крестьянский вопрос в записках М. М. Философова // Вопросы истории России XIX – начала XX века. М., 1983. С. 15–24; Писемский В. А. Отмена крепостного права в России: на дальних подступах к реформе // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 1995. № 5; Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX – начала XX века. М., 1983. С. 57–68; Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005; Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX века. В 2 т. Липецк, 2006; Он же. Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при императоре Александре I // Отечественная история. 2008. № 5. С. 51–65.

ператором Александром I и его ближайшим окружением⁸. Лишь в начале XX в. подобные сюжеты были дополнены работами, в которых представлен более широкий спектр общественных ожиданий, связанных с осознанием необходимости проведения в России «государственных преобразований»⁹.

В советской историографии вопрос о характере российского конституционализма в первой четверти XIX в. возникает в 1950–60-е гг. В это время была издана работы А.В. Предтеченского и А.И. Парусова¹⁰. Главной причиной, предопределявшей невозможность реализации представленных императору конституционных проектов, было признано сопротивление консервативно настроенного дворянства, сохранение жесткой сословной стратификации и крепостной зависимости крестьян.

В 1980-е гг. произошло возвращение к активному изучению так называемого «правительственного» или «дворянского конституционализма» первой четверти XIX в. Данная тенденция была представлена в монографии Н.В. Минаевой¹¹. Истории разработки и анализу содержания наиболее известных конституционных проектов были посвящены отдельные главы в монографиях С.В. Мироненко¹².

С середины 1990-х гг. в историографии обозначилась тенденция к сопоставлению предлагаемых в проектах российской конституции конца XVIII – первой четверти XIX в. механизмов функционирования властных структур с политической теорией и практикой в странах Европы и США. В широком сравнительном контексте история заимствования конституционных идей в России нашла отражение в исследованиях, В.Я. Гросул¹³, И.И. Бурдуковой¹⁴, А.В. Гоголевского¹⁵, А.Н. Медушевского¹⁶, В.Ю. Захарова¹⁷, А.Л. Шестопалова¹⁸, К.С. Чернова¹⁹, а также в работах зарубежных исследователей С. Бертолисси²⁰ и Э. Доннерта²¹.

⁸ См.: *Богданович М. И.* Первая эпоха преобразований Александра I (1801–1805) // *Вестник Европы.* 1866. № 1. С. 115–210; В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1878; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1897.

⁹ *Глинский Б. Б.* Конституционные веяния в начале XIX века // *Исторический вестник.* 1905. № 12. *Семевский В. И.* Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX в. (Очерк по истории политических и общественных идей) // *Былое.* 1906. № 1. С. 1–59.

¹⁰ См.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957; *Парусов А. И.* Государственная уставная грамота 1820 г. // *Ученые записки Горьковского ун-та.* 1964. Сер.: Историко-филолог. Вып. 72. С. 5–38.

¹¹ *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

¹² См.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989; *Он же.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX века. М., 1990.

¹³ См., например: *Гросул В. Я.* Российский конституционализм за пределами России // *Отечественная история.* 1996. № 2. С. 166–179.

¹⁴ *Бурдукова И. И.* Становление и развитие конституционных идей в России. СПб., 1999.

¹⁵ См., например: *Гоголевский А. В.* Русский либеральный конституционализм // *Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии.* М., 2000. С. 7–39.

¹⁶ См.: *Медушевский А. Н.* Политическая философия русского конституционализма. М., 1994; *Он же.* Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // *Вопросы истории.* 1996. № 9. С. 3–23; *Он же.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной ретроспективе. М., 1997; *Он же.* Конституционные проекты в России // *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков.* М., 2000. С. 95–125; и др.

¹⁷ *Захаров В. Ю.* Всемиловейшая жалованная грамота российскому народу 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2002; *Он же.* Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во второй пол. XVIII – первой четверти XIX вв. Ч. I–II. М., 2008.

Все указанные выше исследования позволяют понять сложность и противоречивость общественно-политических настроений в царствование Александра I. Однако вне поля зрения историков оказались различные трактовки концепта «конституция» и его смысловые взаимосвязи с понятиями «закон», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность». Реконструкция различных, нередко противоположных по своей идейной направленности значений социально-политических понятий позволила бы, на мой взгляд, понять логику рассуждений современников и причины их двойственного отношения к планам проведения социально-экономических и политических преобразований.

Вторая группа исследований представлена научными работами по истории либерализма в России. Наличие подробных историографических обзоров по данной проблематике²² позволяет обозначить лишь основные тенденции в развитии современной отечественной и зарубежной историографии.

Первая тенденция, отчетливо сформировавшаяся к середине XX в. как в отечественной, так и в зарубежной историографии, проявлялась в использовании различных «идеологических» схем и «универсальных» шаблонов, которые во многом предопределяли постановку задач и результаты исследований по истории либерализма в России.

В трудах советских историков изучение роли европейского влияния на становление и эволюцию общественно-политической мысли было связано с официальной установкой на поиск закономерностей в истории революционных настроений в России с конца XVIII – начала XIX в. до 1917 года²³.

В зарубежной историографии второй половины XX в. доминировала принципиально иная, но, не менее схематичная модель изучения истории либерализма в России. Изучение конкретно-исторических проявлений либерализма в различных странах мира осуществлялось с позиции их тождественности западноевропейскому «универсальному эталону»²⁴. Использование универсального набора признаков, по мнению западных исследователей, должно было стать действенным

¹⁸ Шестопалов А. Л. Правительственный конституционализм и российская государственность в начале XIX века // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 125–131.

¹⁹ Чернов К. С. Забывая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи». М., 2007.

²⁰ Бертолицци С. Введение к изучению конституционных проектов в России XVIII–XX вв. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков. М., 2000. С. 79–95.

²¹ Доннерт Э. Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 186–214.

²² См.: Арсланов Р. Л. Ранний русский либерализм в освещении французских историков // Вестник Российского ун-та Дружбы народов. Сер. «История, философия». 1993. № 1. С. 56–69; Думова Н. Г. Российский либерализм в освещении современной англо-американской историографии // История СССР в современной западной не-марксистской историографии. М., 1990. С. 100–112; Медушевский А. Н. Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 167–178; Календарова В. В. Проблема зарождения российского либерализма в отечественной историографии // Источник. Историк. История. Сб. научн. тр. СПб., 2001. Вып. 2. С. 60–84; Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41; Он же. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.

²³ См., например: Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1965; Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в 1816–1821 гг. // Пушкин и его время. Л., 1962; Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955; Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; Пугачев В. В. Из истории русской общественной мысли начала XIX в. // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. Историко-филолог. Вып. 57. 1962. С. 3–174.

²⁴ См., например: Laski H. The rise of European liberalism. Lnd., 1963; Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.

инструментом определения степени развитости либерализма в ряде неевропейских стран. Подобный ракурс приводит к схематизации и упрощению сложного процесса усвоения либеральных принципов.

Вторая тенденция в историографии проблемы идентификации либерализма прослеживается с конца 1970х–1990-е гг. С этого при определении сущности либерализма времени формировалось критическое отношение к европоцентризму, происходило признание пластичности либеральной идеологии, ее способности быстро адаптироваться к новым условиям²⁵. В отечественной историографии данная тенденция проявилась с середины 1990-х гг. на специально посвященных истории либерализма общероссийских и международных конференциях²⁶.

Наметившийся в современной отечественной и зарубежной историографии отказ от европоцентризма и осознание уникальности исторического опыта усвоения одних и тех же принципов в различных странах мира, обуславливает необходимость разработки новых методологических подходов, помогающих понять сложный, внутренне противоречивый процесс адаптации европейских идей в России. Принципиально важным, на мой взгляд, может стать обращение исследователей к разнообразным письменным источникам, в которых особенности понимания европейских идей зафиксированы на уровне употребления ключевых для объяснения смысла европейских теорий социально-политических понятий. О целесообразности такого подхода косвенно свидетельствует изданная в 2010 г. энциклопедия «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века», в которой, наряду со статьями о деятельности российских либералов и либерально-ориентированных периодических изданий, особое внимание было уделено эволюции значений целого ряда социально-политических понятий²⁷. Таким образом, в современной историографии признано, что любому исследованию, в котором рассматриваются процесс становления и эволюции общественной мысли, должно предшествовать изучение понятийно-категориального аппарата, характерного для определенной социальной общности в определенный хронологический период²⁸.

Третий проблемно-тематический комплекс, который неразрывно связан с исследуемой в диссертации проблемой адаптации европейских идей в России, представлен научными трудами по «истории понятий». Как самостоятельное направление в современной историографии «история понятий», возникнув в 1970–1980-е гг. в Германии, приобрело международное значение.

В современной отечественной и зарубежной историографии «истории понятий», на мой взгляд, можно проследить несколько тенденций.

Во-первых, для многих работ по «истории понятий» характерна нечеткость в обозначении хронологических границ. В отечественной и зарубежной историографии доминируют исследования, авторы которых пытаются реконструировать историю словоупотребления отдельных понятий в течение достаточно продолжи-

²⁵ См., например: *Freedon M.* The new liberalism: An ideology of social reform. Oxford, 1978. P. 26–27.

²⁶ См., например: Либерализм в России. М., 1996; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.

²⁷ Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.

²⁸ См. подробнее: *Шелохаев В. В.* Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы ее изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 44–45, 48.

тельного времени. Ярким примером такого подхода является сборник статей «Понятие государства в четырех языках»²⁹. Стремление проследить эволюцию отдельного понятия на протяжении нескольких столетий просматривается в работах И.В. Палашевской, В.В. Прозорова, Т.Б. Витман и Е.Н. Рощина, А.В. Магун³⁰. Отсутствие четких хронологических границ, на мой взгляд, не позволяет проследить множество одновременно сосуществовавших вариантов употребления исследуемых понятий, что существенно снижает возможности реконструкции особенностей понимания современниками тех или иных идей, теорий и принципов.

Во-вторых, внимание историков, чаще всего, привлекает процесс формирования различных социально-политических структур и связанные с ним изменения в общественном сознании, которые были зафиксированы с помощью одного-двух понятий. В рамках исследования общественно-политических процессов XVIII–XIX в. история отдельных социально-политических понятий представлена в работах А.А. Алексеева, Т.В. Андреевой, В.М. Боковой, Т.Ю. Борисовой, В.Я. Гросул, Т.Н. Жуковской, А.И. Миллера, А.А. Севастьяновой, М.П. Одесского³¹.

Системный подход к изучению понятийно-категориального аппарата людей прошлого, в соответствии с которым следует анализировать не историю отдельных слов, а комплекс взаимосвязанных понятий, в большей степени характерен для исследований филологов и политологов³². В рамках конкретно-исторических исследований он был представлен в работе А.Я. Гуревича³³. В современной отечественной историографии последовательное воплощение принципа системности просматривается в работах Е.Н. Марасиновой³⁴. Проведенный анализ целого ком-

²⁹ см.: Понятие государства в четырех языках: сб. ст. СПб., 2002.

³⁰ Палашевская И. В. Моделирование концепта «закон» в английской и русской лингвокультурах // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 9. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 116–122; Прозоров В. В. О семантических горизонтах понятия «власть» // ЛОГОС. № 4–5. 2003; Витман Т. Б. Закон силы или сила закона // Текст–Дискурс–Диалог культур. СПб., 2005; Рощина Е. Н. История понятия «суверенитет» в России // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. (Источник. Историк. История: Вып. 5). СПб., 2006. С. 190–230; Магун А. В. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 54–79.

³¹ См.: Алексеев А. А. История слова гражданин в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. № 1. С. 67–73; Он же. Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII века. Дисс.... канд. ист. наук. – Л., 1972; Андреева Т. В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб, 2007. С. 7–22; Бокова В. М. «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 215–227; Борисова Т. Ю. Борьба за русское национальное право в первой четверти XIX в.: изобретение новых смыслов старых слов // Исторические понятия и политические идеи в России... С. 123–151; Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX в.: традиции и новации. М., 2003. С. 50–71; Жуковская Т. Н. Свобода в представлениях русских либералистов. О смысловых смещениях западных категорий // Коммуникации в культуре. Петрозаводск, 1996. С. 97–102; Она же. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск, 2002; Миллер А. И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165; Севастьянова А. А. Генезис понятия «гражданское общество» в России (XVIII – начало XIX в. // Профессионалы за сотрудничество: сб. ст. Вып. 3. М., 1999. С. 63–68; Одесский М. П. Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution–революция–переворот–превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 494–502.

³² См.: Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971; Он же. Человек и его язык М., 1974; Он же. Язык–реальность–язык. М., 1983; Виноградов В. В. История слов. М., 1999; Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009; Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; Он же. Язык революции – язык улицы // Полис. 2010. № 6. С. 182–185; и др.

³³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999.

³⁴ См.: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (по материалам переписки). М., 1999; Она же. Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Труды ин-та российской истории. Вып. 5. М., 2005. Она же. «Рабы» и «граждане» в российской империи XVIII в. //

плекса понятий позволил автору выявить культурные механизмы формирования двойственности в сознании представителей дворянской элиты последней трети XVIII в.

Все вышеизложенное является убедительным аргументом, доказывающим целесообразность обращения в работах по истории общественно-политической мысли к «истории понятий», которая может выступать не в качестве основного предмета изучения, а как метод критики источников, позволяющий более точно выявить все грани восприятия политических идей. Это позволит избежать упрощения исторической реальности, которая применительно к истории общественно-политической мысли представляет собой не только историю либерализма, консерватизма и др. политических идеологий, но чаще всего, процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных идей, теорий, концепций, которые современники считали полезными для решения актуальных социально-политических и экономических проблем.

В §2 – «Методология и методы исследования» – представлены методологические основания, принципы и методы используемые в представленной диссертационной работе.

Методологическим основанием исследования являются общие установки и принципы современной «истории понятий», акцентирующей внимание историков на невозможность понимания любых исторических процессов без обращения к понятийно-категориальному аппарату изучаемой эпохи. Данный подход соответствует принципу историзма, в соответствии с которым каждую историческую эпоху следует пытаться понять в ее собственных терминах.

На сегодняшний день в современной зарубежной историографии сложилось два основных подхода к изучению «истории понятий». Первый из них был сформирован в рамках немецкой *Begriffsgeschichte* и представлен рядом теоретических работ Р. Козеллека³⁵. Несколько позднее в англо-американской научной литературе был сформирован второй подход к исследованию различных аспектов общественного сознания посредством обращения к истории понятий – *History of Concepts*. В наиболее отчетливой форме данный подход представлен работами К. Скиннера, Дж. Покока, Р. Уильямса, М. Рихтера³⁶. Несмотря на некоторые отличия в немецкой и англосаксонской историографии по вопросу о методах исследований, изучение процессов возникновения и эволюции значений социально-

«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 99–118; *Она же*. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008; и др.

³⁵ См.: *Koselleck R. Social History and Begriffsgeschichte // History of Concepts: Comparative Perspectives. Amsterdam. 1998. P. 23–36; Козеллек Р. Можем ли мы распорядиться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241; *Он же*. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России... С. 33–53. *Он же*. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. ст. М., 2010. С. 21–33.*

³⁶ См.: *Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. Сб. ст. СПб.; М., 2002. С. 12–74; Он же*. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызовы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66; *Роскок J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972; Williams R. Keywords. A vocabulary of culture and society. Glasgow, 1976; Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. New York, 1995.*

политических понятий рассматривается как способ реконструкции общественного сознания в различных странах мира.

В представленном диссертационном исследовании предпринимается попытка *интеграции* методологических установок *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*. В качестве общих теоретических установок, на мой взгляд, следует признать *пять взаимосвязанных принципов*:

1) *Принцип контекстуализации*, в соответствии с которым обращение в конкретно-исторических исследованиях к «истории понятий» должно сопровождаться выявлением широкого политического, социально-экономического и культурного контекстов.

2) *Принцип жанрового многообразия используемых текстов*. Использование инструментария «истории понятий» предполагает привлечение широкого круга исторических источников, авторами которых могли быть как известные, так и неизвестные авторы, т.к. принципиальное значение имеет не степень влияния автора на общественное мнение, а сам факт использования в различных контекстах исследуемых понятий.

3) *Принцип системности*, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями. Все исследуемые в настоящей работе понятия были взаимосвязаны и активно использовались современниками при описании различных вариантов решения наиболее актуальных социально-политических и экономических проблем.

4) *Принцип «двух временных горизонтов»*. Теоретическим обоснованием данного принципа является утверждение Р. Козеллека о многослойности темпоральной структуры основных социально-политических понятий: в каждом из них зафиксирован сформировавшийся в результате освоения окружающей действительности социальный опыт («пространство опыта») и, одновременно, представления о возможных перспективах развития общества («горизонт ожиданий»).

5) *Принцип сочетания «диахронного» и «синхронного» подходов*, предполагающий, с одной стороны, изучение изменений содержания понятия в исторической ретроспективе, а с другой – сопоставление различных значений и контекстов его употребления в рамках относительно непродолжительного временного периода, который хронологически охватывал жизнь одного-двух поколений.

С учетом описанных выше методологических установок в представленном исследовании применен *метод сравнительно-контекстуального анализа и метод критического дискурс-анализа* Н. Фэркло³⁷. Содержательно *метод сравнительно-контекстуального анализа* состоит в сопоставлении различных вариантов употребления исследуемых социально-политических понятий в экономическом, социальном и политическом контекстах. *Метод критического дискурс-анализа* нацелен на выявление взаимовлияний между событиями, текстом и широким спектром социально-экономических, политических и культурных отношений с учетом того, что и как было сказано или написано, и какие социальные последствия это вызвало.

³⁷

См.: Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press. 1992.

В соответствии с указанными методологическими установками и методами, структура диссертации содержательно разделена на три взаимосвязанных блока, которые условно можно обозначить терминами «пространство опыта», «горизонт ожиданий» и «социально-коммуникативная практика». В настоящей работе выявлению «пространства опыта», т.е. привычных и хорошо известных к началу XIX в., значений социально-политических понятий, посвящена вторая глава диссертации. Исследование содержания «горизонта ожиданий», трактуемого как комплекс представлений современников о перспективах развития страны, целях, принципах и методах решения наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем, проведено в третьей и четвертой главе. Изучению социально-коммуникативной практики, которая проявлялась в форме официальных решений власти и практических действий граждан посвящена пятая глава.

В §3 – Исторические источники и их характеристика – представлена источниковая основа диссертационного исследования, которую составили как опубликованные ранее документы, так и документы, отложившиеся в 13 фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и 6 фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В совокупности все используемые в работе источники можно разделить на *пять комплексов*, каждый из которых состоит из источников различной видовой принадлежности.

Первый комплекс источников представлен переведенными в начале XIX в. на русский язык текстами зарубежных авторов. В соответствии с особенностями внутренней структуры текста и отличиями в способах подачи информации, источники данного комплекса могут быть дифференцированы на 4 группы:

1). *Публицистические и научно-популярные произведения европейских авторов*. К этой группе источников относятся как сочинения, переведенные на русский язык и изданные в России первой четверти XIX в. отдельными книгами, так и публикации русскоязычных переводов работ И. Бентама, Ч. Беккария, Б. Констана, Ж.-Б. Сэя, А.Смита и Ф. Шмальца в периодической печати;

2). *Опубликованные на страницах российских журналов «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Дух журналов» тексты европейских конституций*;

3). *Информационные сообщения о положении в странах Европы и США*. К источникам этой группы относятся публикации в российских журналах новостных сообщений и заметок о произошедших в различных странах мира событиях. Подобные публикации сопровождались комментариями оценочного характера, которые сводились либо к призыву ориентироваться на европейский опыт, либо к критическим замечаниям реального положения дел в различных государствах мира.

4). *Публикации в форме писем иностранцев*. Изложение велось на русском языке от первого лица и преподносилось как рассказ очевидца, который знает действительное положение дел в стране и желает поделиться своими личными переживаниями с читателями. Такая форма подачи информации способствовала формированию представления о месте России в мире и перспективах ее развития.

Второй комплекс источников включает в себя документы, созданные в процессе функционирования различных властных структур, с помощью которых государство осуществляло регулирование общественных отношений и выражало свою позицию по наиболее важным социально-экономическим и политическим

вопросам. Все эти документы по характеру их воздействия на российских подданных первой четверти XIX в. составляют 3 группы источников.

1) *Законодательные акты последней трети XVIII – первой четверти XIX вв.*

Для решения поставленной цели и задач исследования были проанализированы 185 законодательных актов, с помощью которых верховная власть устанавливала порядок наследования собственности, регламентировала процедуру банкротства и конфискации имущества, определяла условия получения и объем предоставляемых прав и обязанностей, определяла условия перехода из одного «состояния» в другое, а также предпринимала попытки регулировать взаимоотношения между крестьянами и помещиками. Законодательство Екатерины II и Павла I представлено 18 и 11 нормативно-правовыми актами соответственно. Законодательство Александра I представлено в исследовании 156 нормативно-правовыми актами нескольких разновидностей.

2) *Публикации официальных документов в правительственных периодических изданиях.* В диссертации проведен анализ документов, опубликованных в «Санктпетербургском журнале», который являлся официальным изданием министерства внутренних дел.

3) *Материалы официального делопроизводства.* К этой группе источников относятся разнообразные по форме и содержанию документы, в которых были отражены практические действия государства в отношении частных лиц: журналы заседаний Государственного Совета; служебная переписка различных министерств и ведомств; материалы следствия и судебные решения по гражданским и уголовным делам.

Третий комплекс источников – информационно-справочные издания и учебная литература. В соответствии с особенностями социальной функции, различиями в содержании и внутренней структуре текста, источники этого комплекса составляют 4 группы: 1) *указатели действующего российского законодательства*, призванные помочь российскому гражданину найти определенную юридическую норму, подлежащую применению в конкретных жизненных обстоятельствах; 2) *справочные издания по гражданскому делопроизводству*, в которых приводились образцы составления различных документов, необходимых для юридического оформления наследства, сделок купли-продажи, освобождения крепостных крестьян, временных разрешений для крестьян на работу в городе и т.п.; 3) *толковые словари*, изданные в России последней трети XVIII – первой четверти XIX вв.; 4) *учебные пособия* «естественному праву», «гражданскому» и «уголовному праву», «истории философии», «статистике» и «политической экономии» К.И. Арсеньева, А. Галича, К. Германа, В. Г. Кукольника, А.П. Куницына, И. Наумова, И. Неймана, Г. Терлаича, Л. Цветаева, Х. Шлецера, а также составленная Н.И. Гречем хрестоматия для учащихся начальных и средних учебных заведений.

Четвертый комплекс источников представлен документами, в которых зафиксированы различные формы общественной активности российских подданных, связанные с их стремлением участвовать в обсуждении практических рекомендаций по решению наиболее актуальных социально-политических и экономи-

ческих вопросов. По общности социальной функции и внутренней структуре текста все источники этого комплекса составляют пять групп:

1) публикации в журналах «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Статистический журнал», «Труды Вольного экономического общества», «Дух журналов» в жанре «размышлений», «замечаний», «описаний», писем в редакцию и публичных выступлений, авторы которых высказывали свою позицию по различным вопросам общественной жизни;

2) научно-популярные и публицистические произведения Н.М. Карамзина, Ф. Лубяновского, А.Ф. Бестужева, Л. Давыдовского, И.П. Елагина, И.Д. Ертова, И.В. Лопухина, А.Ф. Малиновского, Т. Мальгина, Р. Тимковского, Г.П. Успенского, К. Арнольда, К. Арсеньева, Н.С. Мордвинова, О.П. Козодавлева, Н.И. Тургенева.

3) проекты проведения преобразований, записки и особые мнения, направляемые в министерства, Государственный Совет или императору Александру I с предложениями по реформированию экономики, модернизации российского законодательства и решения крепостного вопроса И.А. Гагарина, Д.А. Гурьева, И. Давыдова, И.И. Дмитриева, П.В. Завадовского, Д.П. Извольского, М. Карлевича, П.Д. Киселева, О.П. Козодавлева, В.П. Кочубея, С.М. Кочубея, А. Крюкова, А.Б. Куракина, В.Ф. Малиновского, Н.С. Мордвинова, И.Наумова, Н.Н. Новосильцова, С. Потоцкого, Н.П. Румянцева, С.П. Румянцева, М.М. Сперанского, Д.П. Троицкого, А. Чарторижского И.Д. Якушкина, Ю. Янушевича.

4) Воззвания, листовки, уставы и конституционные проекты тайных обществ. По степени публичности и непосредственным целям написания можно выделить четыре подгруппы текстов: а) воззвания и прокламации. Одним из таких документов является воззвание написанное в октябре 1820 г. от имени солдат Семеновского лейб-гвардии полка; б) нелегально распространяемые листовки с текстом «Конституции Царства Польского»; в) уставы тайных обществ; г) конституционные проекты тайных обществ: «Русская правда» П.И. Пестеля и проект «Конституции» Н. Муравьева.

5) Особую группу источников, в которых отражены практические модели поведения отдельных граждан составляют: *духовные завещания*, в соответствии с которыми после смерти помещика крестьяне получали личную свободу; *сельские уставы для крестьян*; проекты создания различных «благотворительных обществ», «домов призрения», «рабочих домов» и т.п. заведений для людей «нижнего состояния».

Пятый комплекс источников представлен источниками личного происхождения: дневниковые записи Н.И. Тургенева; частные письма Н.С. Мордвинова Н.Н. Новосильцову, А. Разумовского Б.И. Герману, А.А. Нартова А.Б. Куракину, А. Чарторижского, В.Н. Каразина и М.М. Сперанского к императору Александру I; воспоминания Г.Р. Державина, С.П. Жихарева, Ф.П. Лубяновского, С.Д. Пурлевского, Н.И. Тургенева, И.Д. Якушкина.

Во второй главе – Основные социально-политические понятия в текстах последней трети XVIII – начала XIX века – рассмотрены исторически сложившиеся значения и контексты употребления основных социально-политических

понятий, которые оказывали влияние на трактовку заимствованных в первой четверти XIX в. европейских либеральных принципов.

В §1 – Понятия «гражданин», «собственность» и «государство» в лексиконе российских поданных – проведен сравнительно-контекстуальный анализ различных вариантов употребления понятий «гражданин», «собственность» и «государство».

В последней трети половине XVIII в. понятие «гражданин» имело политически нейтральное содержание и употреблялось, прежде всего, для обозначения городских жителей, однако уже к началу XIX в. в неофициальных текстах оно активно использовалось для обозначения любого российского подданного. Близким по смыслу понятию «гражданин» было понятие «гражданство» и «гражданское общество», предполагавшие не только общность места жительства, но и общность близость морально-этических установок, а также наличие взаимных обязанностей.

Одним из очевидных критериев социальной дифференциации «гражданского общества» была сословная принадлежность и наличие собственности. В сознании образованного российского подданного конца XVIII в. существовала взаимосвязь понятия «собственность» с «правом», как системой установленных «государством» законов, и отдельным «гражданином», который, являясь частью неоднородного по целому ряду признаков «гражданского общества», мог обладать имуществом, но только в том случае, если это не противоречило интересам «государства».

Таким образом, личный опыт и транслируемые посредством законов и различных учебных пособий значения понятий «гражданин» и «государство» сформировали представление об исторической «укорененности» института государства и существовании его неразрывной взаимосвязи с гражданами. Но при этом наличие у «гражданина» определенных государством обязанностей подтверждалось повседневной практикой, а содержание обязанностей «государства» воспринималось как абстрактные категории, отражавшие в большей степени идеальную модель, а не окружающую человека реальность. С различными оговорками и ссылками на действующее законодательство о праве «гражданина» отстаивать свои интересы говорилось лишь в отношении полученной по наследству или «благоприобретенной» «собственности». Словосочетание «гражданские права» в более широком политическом контексте становится устойчивым выражением в текстах российских авторов лишь в первой четверти XIX в.

В §2 – Трактовка понятий «свобода» и «рабство» в неофициальных текстах и предшествовавшем законодательстве – представлена эволюция значений понятий «свобода и рабство в последней трети XVIII – начале XIX в.

В текстах российских авторов понятие «свобода» преподносилась как совокупность «внешней» и «внутренней свободы», которая проявлялась в наличии у человека стремления к духовному самосовершенствованию и способности к самоконтролю, а также осознания взаимной зависимости граждан. Такое политически нейтральное значение понятия «свобода» нередко использовалось для смещения смысловых акцентов при обсуждении вопроса о содержании «гражданской» и «политической свободы» из практической плоскости в область размышлений о морально-нравственной сущности человека.

Проведенный анализ различных вариантов употребления понятия «свобода» позволяет утверждать, что негативные по своей эмоциональной окрашенности коннотации данного слова, были связаны с противопоставлением свободы «безвластию», «безначалию», «буйству», «необузданности», «ложным идеям социального равенства» и «рабству». При этом противопоставление понятий «свобода» и «рабство» не предполагало отношений противостояния личности и государства. В соответствии со сложившейся еще с начала XVIII в. традицией понятие «раб» не имело уничижительного значения, а приближалось к значению «подданный», «верный человек», «преданный слуга». Однако постепенно оно приобрело негативное значение, формирование которого было связано с представлениями о личных качествах человека находившегося в состоянии «рабства»: в текстах российских авторов постепенно формировался образ «раба» как «невежественного» человека, который склонен к распространению различных слухов и совершению необдуманных поступков.

Таким образом, в последней трети XVIII – начале XIX в. в сознании образованного российского подданного произошло смещение смысловых акцентов: от употребления понятия «раб» в значении «покорный слуга» и «верный подданный» к формированию негативного отношения к «рабству» как к несовместимому с нормами христианской морали социальному явлению. В первой четверти XIX в. такая трактовка будет отправной точкой при рассмотрении различных вариантов освобождения крепостных крестьян, а также постановки вопроса о наделении наиболее «просвещенных» российских граждан «политическими свободами», отсутствие которых в различных проектах политических преобразований могло обозначаться словом «рабство».

В §3 – Содержание понятий «закон», «конституция» и «революция» – представлены логические и ассоциативные взаимосвязи понятий «закон», «конституция», «революция», которые оказывали непосредственное влияние на представления о приемлемых способах преобразования действительности и трактовки европейских принципов верховенства закона и конституционного правления.

Во-первых, в неполитическом контексте закон отождествлялся с «верой», «образом Богопочитания», что акцентировало внимание современников на его взаимосвязь с традициями и обычаями. Во-вторых, наиболее значимыми были признаны две взаимосвязанные друг с другом функции «закона»: он воспринимался как «источник добрых нравов», средство ограничения «человеческих страстей» и инструмент управления страной. В-третьих, неизменно подчеркивалось, что как «божественные», так и «гражданские законы» могут быть установлены только сверху, а следовательно, их появление не связано какой-либо процедурой согласования зафиксированных в них норм и правил поведения. Все эти признаки «закона» на рубеже XVIII–XIX вв. были общим фоном для формирования представления о конституции как главном законодательном акте.

Необходимый для отличия любого закона от «конституции» смысловой акцент достигался посредством употребления прилагательного «коренной», значение которого объяснялось словами «старинный, первобытный, главный». Это позволяло несколько смягчить негативные ассоциации, возникавшие при употреблении слова «конституция» после Великой Французской революции. Однако для

большинства российских подданных «конституция» оставалась одним из элементов смыслового поля понятия «революция» и вызывала негативные ассоциации. Для образованного российского подданного было очевидным, что революционные изменения сопровождаются открытым взаимным противостоянием граждан одного общества в борьбе за достижение различных политических целей. Наличие противоборствующих сторон позволяло утверждать, что результаты «революции» не конечны, а её «достижения» могут быть сведены к минимуму или даже уничтожены её противниками в исторически обозримом будущем.

На этом фоне при употреблении в качестве синонима «конституции» словосочетания «коренной закон» у современников возникали ассоциации с исторически сложившимися, проверенными временем и опытом многих поколений комплексом юридических норм, которые, по мере необходимости и по воле верховной власти могли подвергаться корректировке. В такой трактовке «конституция» – это система основополагающих принципов, в соответствии с которой следовало корректировать устаревшие и устанавливать новые законы.

В третьей главе – Проблема реформирования экономики и системы законодательства в представлениях образованных российских подданных первой четверти XIX века – реконструированы представления о перспективах развития российской экономики и способах совершенствования системы законодательства.

В §1 – «Собственность» и «свобода» экономической деятельности в контексте модернизации отечественной экономики – выявлены противоречия в понимании современников европейских принципов свободы экономической деятельности и неприкосновенности частной собственности.

Во-первых, и «собственность», и «свобода» воспринимались в качестве важнейших факторов, оказывавших решающее влияние на характер развития экономики. Во-вторых, наиболее важной задачей представлялось законодательное закрепление права частной «собственности» и установление четкого порядка компенсации гражданам имущественных потерь, нанесенных в результате деятельности государства. В отношении же экономической «свободы» ожидания современников были более абстрактны и нередко противоречивы. С одной стороны, содержание экономической «свободы» сводилось к уничтожению мелочной регламентации со стороны государства. С другой стороны, «свобода» трактовалась как эффективный инструмент в руках правительства, а не основополагающий принцип, которым должен был бы руководствоваться в своей повседневной деятельности российский подданный. Такое понимание предполагало, что расширение объема «свободы» граждан в сфере экономики следует ожидать от верховной власти.

В §2 – Функциональное назначение и принципы совершенствования российских «законов» – выявлены представления о назначении закона, обязательных элементах его содержания и основополагающих принципах, ориентируясь на которые современники предполагали реформировать действующую систему законодательства.

Содержательно ожидания преобразований основывались, с одной стороны, на привычной трактовке «закона», как инструмента воспитания и управления, с помощью которого правительство должно обеспечить «общую» и личную безо-

пасность подданных. В данном контексте понятие «закон» было логически взаимосвязано с понятием «государство», т.к. именно государство должно было стать инициатором любых изменений и осуществлять жесткий контроль за неукоснительным исполнением всех юридических норм. При этом в качестве ориентиров в процессе модернизации российского законодательства, должен был служить и собственный исторический опыт, и теоретические основы европейского права.

С другой стороны, конечным итогом реформирования российского законодательства представлялась реализация на практике принципа системности, публичности и ясности «слога», равенства граждан перед законом, презумпции невиновности, соразмерности наказания и преступления. Всестороннее освещение в текстах европейских и российских авторов содержания данных принципов постепенно привело к формированию логической и ассоциативной взаимосвязи понятий «закон»—«гражданин»—«гражданские права», которая стала новым, заимствованным элементом смыслового поля понятия «закон». С этого времени одним из важнейших критериев полезности установленного верховной властью «закона», провозглашалась его направленность на обеспечение безопасности «граждан». Однако одновременно, в полном соответствии с тезисом о необходимости соответствия содержания закона «народному духу», подчеркивалось, что объем «гражданских прав» может отличаться не только в разных странах, но и в различных частях Российской империи.

В §3 – «Государство» и «права граждан» в рамках дискуссий о способах обеспечения личной безопасности – рассмотрены зафиксированные в текстах российских авторов первой четверти XIX в. представления о содержании и принципах наделения «гражданскими правами».

В начале XIX в. перспектива «восстановления силы закона» и провозглашения «гражданских прав» была неотъемлемой частью социально-политических ожиданий представителей образованной части российского общества. В полном соответствии с европейскими идейными основами признавалась необходимость законодательного закрепления прав граждан на личную безопасность, неприкосновенность собственности, свободу мысли, слова и вероисповедания. Однако в процессе осмысления либеральных европейских теорий и собственного практического опыта, произошел синтез традиционного и заимствованного значения понятия «гражданин», обусловивший формирование представлений о том, кто, по каким критериям и в каком объеме мог быть наделен «гражданскими» и «политическими правами».

Своеобразие этих представлений заключалось в установлении логических и ассоциативных связей либеральных концептов «гражданин» и «гражданские права» с ориентировавшими на патерналистские ценности принципами.

Во-первых, категория «гражданские права» содержательно была связана с «правом» как системой юридических отношений и комплексом морально-этических качеств «истинного гражданина». В результате бесспорным был признан принцип постепенного наделения российских подданных «гражданскими» и «политическими правами» в соответствии с присущими каждому сословию «нравственными качествами».

Во-вторых, обязательным условием необходимым для реализации «гражданских прав» было признано существование сильного «государства», которое главной своей целью считало бы обеспечение личной и имущественной безопасности своих «граждан». В данном контексте категория «права» оказывалась взаимосвязанной не только с «нравами», но и с «силой», способной предотвратить нарушение законных прав граждан и осуществлять функцию независимого арбитра в конфликтах между частными лицами.

Одновременно с этим государство было признано единственным субъектом, способным адекватно оценить нравственные качества «граждан», осуществить необходимую дифференциацию «гражданских» и «политических прав», а также установить «справедливые законы». Все это в совокупности оказало непосредственное влияние на процесс выработки общих подходов к решению крестьянского вопроса и дальнейшей политической модернизации.

В четвертой главе – Перспектива освобождения крепостных крестьян и политической модернизации – проведен анализ различных проектов решения крепостного вопроса и введения в России конституции первой четверти XIX в.

В §1 – «Рабство», «свобода» и «собственность» в контексте решения крепостной проблемы – выявлены различные трактовки понятий «свобода», «рабство», «собственность», с помощью которых современники выражали свои представления о целях, необходимых условиях, стратегии и тактике освобождения крестьян в России.

Существовавшая в сознании представителей образованной части российского общества смысловая взаимосвязь понятий «рабство», «свобода» и «собственность» оказала заметное влияние на процесс формирования представлений о стратегии и тактике решения крепостной проблемы в России первой четверти XIX в. Современники безоговорочно отрицали «рабство» как несоответствующее «духу времени» явление, которое не только прямо противоречило нормам христианской морали, но оказывало негативное влияние на развитие экономики и способствовало «общему падению нравов». Однако, если на уровне теоретических размышлений российские авторы достаточно часто воспроизводили заимствованные из сочинений европейских мыслителей либеральные принципы, то при описании возможных сценариев освобождения крестьян в России происходила их корректировка.

Во-первых, перспектива «искоренения рабства» в России представлялась как комплекс мер правительства, одновременно направленных на юридическую регламентацию взаимоотношений крестьян с помещиками и улучшение материального благосостояния мелкопоместных дворян, которые чаще других проявляли жестокость в отношении к крепостным людям. Признавая личную зависимость крестьян исторически сложившимся обычаем, российские авторы подчеркивали, что ликвидация «рабства крестьян» возможна только при объединении усилий «государства» и наиболее «просвещенной» части общества. В идеале результатом совместной работы должно было бы стать «просвещение» крестьян и жестоких помещиков, а также совершенствование законодательства о собственности.

Во-вторых, «свобода» для крестьян нередко трактовалась как возможность перехода на земли других помещиков с обязательным заключением между ними

договора, или предоставлением им права приобретения земельных участков. При этом утверждалось, что «свобода» и право «собственности» крестьян на землю, могут быть ограничены различными дополнительными условиями. Наличие таких особенных условий, на мой взгляд, свидетельствует о происходившей в рамках поиска оптимальных способов решения крепостной проблемы корректировки значений понятий «свобода» и «собственность». Либеральная трактовка прав личности на «свободу» и «собственность» как «естественных» и всеобщих прав, была дополнена утверждениями о необходимости учитывать степень «просвещения» и функциональное назначение различных сословий российского общества.

В §2 – «Конституция» в России первой четверти XIX в.: поиск ориентиров политического развития – определены представления образованной части российского общества о назначении, структуре, содержании и условиях установления в России конституции.

В общем виде процесс культурной адаптации конституционных идей в России первой четверти XIX в. сформировал двойственное, внутренне противоречивое отношение к «конституции». Во-первых, в большинстве текстов российских авторов установление «конституции» не предполагало существенного ограничения самодержавной власти. В идеале она должна была обеспечить высокую эффективность системы государственного управления посредством создания механизмов взаимодействия императора с образованной частью российского общества. Формирование такого механизма представлялось возможным либо посредством реформирования уже существовавших структур, либо путем создания новых, но не абсолютно тождественных выборным органам сословного представительства в Европе, а таких, которые соответствовали бы современным принципам управления, и одновременно учитывали особенности сословной и культурной дифференциации российского общества.

Во-вторых, встраивание в социально-политический лексикон образованного российского подданного понятия «конституция» происходило посредством его отождествления с привычными понятиями «коренной закон», «уложение», «устав». Но в первой четверти XIX в. возникли новые ассоциативные и логические связи, не позволявшие поставить знак равенства между «конституцией», «Судебниками» XV–XVI вв. или «Соборным уложением» 1649 г., которые рассматривались современниками как исторические примеры российских «коренных законов». В отличие от них «конституция», трактуемая как обновленный и дополненный «коренной закон», должна была законодательно закрепить «права граждан» на «свободу», «собственность» и «личную безопасность».

Противоречивость понимания конституции проявилась еще и в том, что современники, признавая взаимосвязь конституции с принципом равенства всех перед законом, подчеркивали, что его реализация не означала полного равенства прав российских подданных. Напротив, одна из важнейших задач, решению которой должна была способствовать конституция – четкая дифференциация гражданских и политических прав в зависимости от морально-нравственных качеств личности. В данном контексте первостепенное значение приобретало не юридическое описание пределов власти монарха, а проблема определения «степени просвеще-

ния» российских подданных, в соответствии с которой сверх общих для всех «гражданских прав» одни из них могли бы участвовать в процедуре выборов народных представителей, а другие – быть избранными помощниками верховной власти.

В §3 – «Просвещение» или «революция»: выбор инструментов достижения «общего блага» – выявлены взаимосвязи понятий «революция» и «просвещение», используемые современниками для описания перспектив социально-политического развития страны.

Отождествляя «просвещение» с верой, добродетелью, честностью, образованностью, воспитанностью, современники признавали его позитивное влияние на развитие экономики, системы управления, а также решение острых социальных проблем. Однако надежды, зафиксированные в форме представлений о функциях и возможных последствиях «просвещения» в России, сосуществовали с опасениями и тревогами, во-первых, неадекватно оценить «степень готовности» общества к преобразованиям, что могло привести непредсказуемым последствиям, а, во-вторых, со страхом распространения под видом «просвещения» опасных революционных настроений.

Такое соотношение надежд и тревог было неотъемлемой частью мировоззрения сторонников правительственного реформизма. Признавая необходимость интенсификации российской экономики, ликвидации «рабства крестьян», обуздания произвола чиновников и создания эффективной системы помощи правительству со стороны наиболее образованной части российского общества, главным условием всех указанных задач они считали повышение «степени просвещения граждан». Такое понимание роли «просвещения» сопровождалось жестким противопоставлением его «революции». В дальнейшем данный подход трансформировался в консервативную концепцию, прямо связывавшую «истинное просвещение» с необходимостью сохранения «самобытности» российской культуры.

Несколько иное отношение к «просвещению» и «революции» сложилось в сознании представителей радикальных тайных обществ. Не желая повторения «ужасов французской революции», они подчеркивали, что «просвещение» и «революция» являются не конечной целью, а всего лишь необходимыми инструментами достижения «общего блага». Более того, «просвещение», трактуемое как способность «граждан» анализировать все позитивные и негативные последствия своих действий, должно было стать важнейшим условием осуществления в России бескровной «революции».

Таким образом, в первой четверти XIX в. понятие «просвещение» было одним из системообразующих элементов представлений современников о будущем развитии страны. С этого времени и сторонники постепенных реформ, и приверженцы революционного варианта развития, все чаще придавали ему вполне определенный социально-политический контекст: оно обозначало не только уровень образования и высокие морально-нравственные качества, но еще и определенную модель будущего общественного устройства, при котором будут реализованы права граждан на свободу, собственность, личную безопасность. При этом и в реформистской, и в революционной модели достижение такого рода идеала представлялось возможным только при наличии сильного государства.

В пятой главе – Официальная политика и коммуникативная практика в России первой четверти XIX века: слова и реальность – европейские либеральные принципы сопоставлены с нормами российского законодательства и практическими действиями российских подданных.

В §1 – Формальные действия власти в текстах законодательных актов и материалах судебных дел – рассмотрены противоречия между декларациями и практическими действиями российского самодержавия.

Непоследовательность верховной власти проявлялась в том, что она, заявляя о своей приверженности принципам верховенства закона, свободы личности и неприкосновенности собственности, с одной стороны, законодательно расширила круг лиц, обладавших правом собственности и «свободы торговли», несколько уменьшила жесткость цензуры, определила порядок «перехода из одного состояния в другое», установила четкую процедуру освобождения крестьян по инициативе помещика, а с другой – усилила сословную и внутрисословную дифференциацию гражданских прав и свобод. Право собственности, свобода торговли, свобода вероисповедания и печати, свобода «перехода в другое состояние», а также, провозглашаемый властью принцип равенства граждан перед «законом» – все эти «права» в повседневной практике российских подданных имели условный характер. В зависимости от сословной принадлежности, места проживания, законопослушности, способности исполнять фискальные обязательства перед казной, а в некоторых случаях и от наличия определенных морально-нравственных качеств, «гражданские права» российских подданных были существенно ограничены.

В §2 – Социально-политические понятия в коммуникативной практике российских подданных – сопоставлены содержание и направленность различных моделей поведения российских подданных первой четверти XIX в., необходимость которых обосновывалась с помощью основных социально-политических понятий.

Реакция представителей образованной части российского общества на двойственность внутренней политики власти была не менее сложной и противоречивой. Руководствуясь самыми разными побудительными мотивами, многие из них желали преодолеть условность своих «прав», используя для этого диаметрально противоположные способы. В данном контексте выступления с публичными речами, написание проектов, воззваний, листовок, создание различных «школ» и «тайных обществ», добровольное освобождения, или, напротив, незаконное использование крепостных крестьян лицами недворянского происхождения – все эти модели поведения были практическим воплощением стремления преодолеть условность установленных законом прав и привилегий. И хотя субъективно для одних российских граждан конечной целью было сохранение или улучшение собственного материального положения, а для других – достижение абстрактно представляемого «общего блага», все они для обоснования своих действий могли употреблять одни и те же социально-политические понятия. Используемые в различных контекстах и сочетаниях понятия «закон», «свобода», «собственность», «революция», «просвещение», «гражданин», «государство», «конституция», позволяли на вербальном уровне установить взаимосвязь между модными европейскими концептами и несоответствующей им отечественной реальностью.

В заключении подведены основные результаты исследования.

Проведенный анализ различных значений и контекстов употребления в текстах российских авторов основных социально-политических понятий позволил выявить ряд характерных особенностей понимания представителями образованной части российского общества европейских либеральных принципов.

Принцип свободы личности. Свобода личности признавалась важным фактором экономического развития. Одновременно с этим в текстах российских авторов свобода экономической деятельности трактовалась как набор определенных государством прав и привилегий для каждой сословной и внутрисловной группы. Целесообразность дифференциации свободы в рамках экономического дискурса аргументировалась необходимостью избежать конкуренции между представителями различных социальных групп и снизить вероятность возникновения социальных конфликтов. Смещение смысловых акцентов принципа свободы личности происходило и в процессе поиска вариантов решения крепостного вопроса. Признавая необходимость ликвидации «рабства» крестьян в Россию, современники подчеркивали, что решение этого вопроса возможно при активном участии государства и только в том случае, если рассматривать проблему одновременно в морально-этической и экономической плоскостях, т.е. с учетом уровня «просвещения» крестьян и помещиков, а также отсутствием у земледельцев опыта обладания частной земельной собственностью.

Своеобразие восприятия европейского принципа *неприкосновенности частной собственности* было обусловлено противоречиями между декларациями и практическими действиями государства. На практике отсутствие общего для всех российских подданных законодательства означало условность права собственности и возможность утраты имущества как вследствие экономических причин, так и по различным политическим мотивам. В сложившихся обстоятельствах представители образованной части российского общества считали, что одним из важнейших направлений деятельности правительства должно было быть законодательное закрепление принципа неприкосновенности частной собственности. Однако одновременно они признавали возможность утраты имущества гражданами по инициативе государства в случае, если эта мера была необходима для достижения «общего блага» и сопровождалась денежной компенсацией. На практике стремление преодолеть условность права собственности выражалось как в форме прошений о защите своего имущества, так и в противозаконных действиях по присвоению «прав и преимуществ», которые не соответствовали сословной принадлежности человека.

Адаптация в России *принципов верховенства закона и равенства гражданских прав* сопровождалась корректировкой ранее существовавших и появлением новых логических взаимосвязей между понятиями «закон», «государство», «гражданин», «гражданские права» и «просвещение».

В текстах российских авторов практически без изменений воспроизводились общие утверждения о важности соблюдения принципов верховенства закона, системности, «ясности слога», публичности, презумпции невиновности, соразмерности преступления и наказания. Принимая на уровне теоретических рассуждений тезис о наличии у каждого свободного человека определенного набора «граждан-

ских прав» и свобод, представители образованной части российского общества неоднократно подчеркивали, что их содержание и объем должны соответствовать уровню «просвещения», показателем которого является наличие у человека определенных морально-нравственных качеств и способности к анализу всех позитивных и негативных последствий своих действий. При этом особо подчеркивалось, что единственным субъектом, способным оценить характер «просвещения» различных сословных и внутрисословных групп является «государство».

В тесной взаимосвязи с указанными особенностями, происходила адаптация *принципов конституционного правления и сословного представительства*. Главной целью установления в России конституции было не ограничение власти монарха, а юридическое закрепление основных гражданских прав и формирование постоянно действующих каналов передачи информации, позволявших своевременно координировать и корректировать действия власти в зависимости от изменений общественных настроений. С этих позиций конституция воспринималась как эффективный инструмент, с помощью которого возможно было решение целого ряда актуальных для всего общества проблем. Важным следствием такого инструменталистского подхода было признание невозможности существования универсальной «конституции» для всех стран мира. Определенное сходство считалось допустимым лишь во внутренней структуре «коренного закона», но содержание конкретных юридических норм должно было соответствовать особенностям экономического, политического и культурного развития каждой страны. Применительно к Российской Империи обязательными условиями, без учета которых провозглашение «конституции» было бы преждевременным, российские авторы, чаще всего, называли наличие доверительных отношений между подданными и монархом, а также высокий уровень «просвещения» народа.

В общем виде, все указанные выше европейские принципы были существенно скорректированы в результате сложного сочетания известных ранее значений основных социально-политических понятий с повседневно окружавшей образованного российского подданного социальной действительностью и теоретическими постулатами либеральных мыслителей. В условиях незавершенности процесса формирования политических идеологий как в Европе, так и в России произошло синкретичное переплетение разнонаправленных идейных установок, что нашло свое отражение в расстановке смысловых акцентов при использовании ключевых социально-политических понятий в текстах законодательных актов, учебных пособий, публицистических статей, различных проектов преобразований, а также при обосновании отдельными индивидами своих практических действий.

На уровне теоретических рассуждений *системообразующими понятиями, с помощью которых чаще всего происходила корректировка либеральных идей в России, были понятия «государство», «закон» и «просвещение»*. В различных сочетаниях они использовались при обосновании необходимости учитывать множество обстоятельств, отражавших принципиально важные, с позиции современников, отличия социально-экономического, культурного и политического развития Российской империи в сравнении с развитыми странами Европы. Акцентирование внимания на этих «особых обстоятельствах» происходило на фоне заявлений о приверженности принципам личной свободы, неприкосновенности собственно-

сти, верховенства закона, признания необходимости законодательного закрепления гражданских прав и установления конституции. В результате сознательно допускалось множество «оговорок», общий смысл которых сводился к утверждению, что реализация европейских идеалов в России возможна только при условии существования сильного государства, способного установить справедливые законы, а также наличия у верховной власти и представителей образованной части российского общества обоюдного желания способствовать скорейшему «просвещению» народа. Синкретизм политического сознания российских подданных проявлялся и на уровне практических действий: понятия свобода, закон, собственность, конституция, просвещение, рабство могли использоваться как обоснования действий, направленных на преодоление условности права собственности и свободы экономической деятельности, так для прикрытия прямо противоположных либеральным ценностям действий. Все это во многом обуславливало непоследовательность действий правительства, а также оказывало заметное влияние на дальнейшее развитие российской общественно-политической мысли.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

**Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах,
рекомендуемых ВАК РФ**

1. Тимофеев Д.В. Соотношение понятий «закон» и «свобода» в правительственных проектах и российской публицистике первой четверти XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск: институт археологии РАН; Магнитогорский гос. ун-т; институт археологии и этнографии СО РАН, 2006. Вып. XVI. – Ч. 3. С. 83–97. (1,4 п.л.)
2. Тимофеев Д.В. Понятие «конституция» в России первой четверти XIX века // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 120–131. (1,3 п.л.)
3. Тимофеев Д.В. Понятие «закон» в политическом лексиконе европеизированного российского дворянства первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 20. 2007. №11. С. 15–25. (0,9 п.л.)
4. Тимофеев Д.В. Понятие «собственность» в России первой четверти XIX века: опыт реконструкции смыслов // Российская история. 2009. № 1. С. 165–180. (1,5 п.л.)
5. Тимофеев Д.В. Концепт «государство» в периодической печати и российской публицистике первой четверти XIX века // История государства и права. 2009. № 4. С. 37–39. (0,4 п.л.)
6. Тимофеев Д.В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX века: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 98–107. (0,8 п.л.)
7. Тимофеев Д.В. В ожидании перемен от «просвещения» России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX века // Вестник Челябин-

- ского государственного университета. 2009. № 16(154). История. Вып. 32. С. 12–20. (0,9 п.л.)
8. Тимофеев Д.В. Трактовка понятий «государство», «гражданин» и «гражданские права» в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10(191). История. Вып. 39. С. 20–29. (1,0 п.л.)
 9. Тимофеев Д.В. «Рабство», «свобода» и «собственность» в проектах решения крепостной проблемы в России первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18(199). История. Вып. 41. С. 6–15. (1,0 п.л.)
 10. Тимофеев Д.В. «Конституция» в России первой четверти XIX в.: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1(216). История. Вып. 43. С. 23–32. (1,0 п.л.)
 11. Тимофеев Д.В. Понятия «просвещение» и «революция» в лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в.: опыт сравнительно-контекстуального анализа ключевых социально-политических понятий // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 35. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 38–58. (1,3 п.л.)
 12. Тимофеев Д.В. Концепт «революция» в материалах российской периодической печати и оценках современников первой четверти XIX в.: опыт сравнительно-контекстуального анализа // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12(227). История. Вып. 45. С. 131–140. (1,0 п.л.)
 13. Тимофеев Д.В. Стратегия и тактика совершенствования российского законодательства в России первой четверти XIX века // Уральский исторический вестник. №3(32). 2011. С. 114–121. (0,9 п.л.)
 14. Тимофеев Д.В. Поиск подходов к решению крестьянского вопроса в российском социально-политическом лексиконе первой четверти XIX в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 3(93). С. 206–219. (1,0 п.л.)
 15. Тимофеев Д.В. Методология истории социально-политических понятий в контексте исследования процесса адаптации либеральных идей в России первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34(249). История. Вып. 48. С. 133–140. (0,8 п.л.)

Монографии

16. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006. – 200 с. (10,6 п.л.)
17. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 456 с. (23 п.л.)

Другие публикации

18. Тимофеев Д.В. Либерализм в России первой четверти XIX века: европейская идеология и отечественная реальность // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1999. № 1. С. 61–67. (0,7 п.л.)
19. Тимофеев Д.В. Особенности восприятия либерализма в России первой четверти XIX века // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 2001. № 1. С. 33–39. (0,7 п.л.)
20. Тимофеев Д.В. Конструирование либерально-консервативной системы ценностей в России в первой четверти XIX как социокультурный феномен // Либеральный консерватизм: история и современность. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 161–172. (0,8 п.л.)
21. Тимофеев Д.В. Культурные механизмы адаптации либеральных ценностей в правительственных кругах России первой четверти XIX века // Вестник Евразии. 2003. № 3. С. 40–61. (1,3 п.л.)
22. Тимофеев Д.В. Трактовка понятия «конституция» в правительственных кругах России первой четверти XIX века // Проблемы российской истории. Вып. II. Магнитогорск, 2003. С. 219–230. (0,9 п.л.)
23. Тимофеев Д.В. Об образе крестьянства в сознании представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. Мат-лы XVI науч. конференции. М., 2004. С. 361–363. (0,2 п.л.)
24. Тимофеев Д.В. Трактовка принципа неприкосновенности частной собственности в проектах представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века // Хозяйственная роль и культура предпринимательства в России XIX–XX вв.: Мат-лы Всероссийской научной конференции. СПб., 2005. С. 172–176. (0,3 п.л.)
25. Тимофеев Д.В. Власть и собственность в России: идеальные модели экономических взаимоотношений личности и государства в проектах представителей правительственной элиты первой четверти XIX века // История предпринимательства в России: XIX–XX века: Вып. 2. Сб. ст. СПб.: издат. дом СПбГУ. СПб., 2006. С. 170–185. (0,8 п.л.)
26. Тимофеев Д.В. Исследовательские модели изучения истории российского либерализма первой четверти XIX века: история и перспективы // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: Сб.ст. – Челябинск: «Каменный пояс», 2006. С. 319–329. (0,8 п.л.)
27. Тимофеев Д.В. Стратегия и тактика стимулирования экономического развития в проектах представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века // Фирмы, общество и государство в истории российского предпри-

- нимательства: Мат-лы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 216–220. (0,3 п.л.)
28. Тимофеев Д.В. Принцип свободы личности и проблема государственного регулирования экономическим развитием в трактовке представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века // История предпринимательства в России: XIX – начало XX вв.: Сб. ст. Вып. 3. СПб.: издат. дом СПбГУ. СПб., 2007. С. 464–496. (1,8 п.л.)
 29. Тимофеев Д.В. Стратегия и тактика ликвидации «рабства крестьян» в правительственных кругах России первой четверти XIX века // Проблемы российской истории. Вып. VIII. Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2007. С. 145–159. (1,1 п.л.)
 30. Тимофеев Д.В. Образ государства в периодической печати и российской публицистике первой четверти XIX века // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. статей. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. С. 302–308. (0,5 п.л.)
 31. Тимофеев Д.В. История идей в контексте истории понятий: проблемы методологии и практики // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 17–18 апреля 2008 года). Ч. 2. Секция «Проблемы отечественной истории». Секция «Теория, методология истории, историография». – Нижевартовск: изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2008. С. 343–347. (0,2 п.л.)
 32. Тимофеев Д.В. На грани «области опыта» и «горизонта ожиданий»: перспективы и проблемы изучения общественно-политической мысли в контексте истории понятий // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 61–62. (0,2 п.л.)
 33. Тимофеев Д.В. Идеалы и практика экономических взаимоотношений личности и государства в трактовке представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века // Власть и общество в России в XIX–XXI вв.: этноконфессиональный и региональный аспект. Кн. II: научное издание, монография / Под общ. ред. Д.В. Аронова – Орел: ОрелГТУ, 2008. С. 62–81. (1,0 п.л.)
 34. Тимофеев Д.В. История общественно-политической мысли России первой четверти XIX века в зеркале истории понятий: проблемы методологии и практики // Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов (к юбилею проф. И.В. Нарского). Челябинск, 2009. С. 39–47. (0,5 п.л.)
 35. Тимофеев Д.В. «История понятий» как метод исследования процесса адаптации европейских социально-политических идей в России первой четверти XIX века // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: мат-лы Всеросс. науч. конф., 10–11 ноября 2009 г. / Отв. ред. Е.В. Алексеева. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2009. С. 44–50. (0,4 п.л.)

36. Тимофеев Д.В. Балугьянский Михаил Андреевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 43–45. (0,4 п.л.)
37. Тимофеев Д.В. Власть // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 117–119. (0,3 п.л.)
38. Тимофеев Д.В. Воронцов Александр Романович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 135–137. (0,4 п.л.)
39. Тимофеев Д.В. Гражданин // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 222–223. (0,3 п.л.)
40. Тимофеев Д.В. Дух журналов // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 290–292. (0,3 п.л.)
41. Тимофеев Д.В. Закон // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 318–320. (0,4 п.л.)
42. Тимофеев Д.В. Конституция // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 460–463. (0,4 п.л.)
43. Тимофеев Д.В. Кочубей Виктор Павлович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 485–488. (0,6 п.л.)
44. Тимофеев Д.В. Кукольник Василий Григорьевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 502–503. (0,3 п.л.)
45. Тимофеев Д.В. Куницын Александр Петрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 507–509. (0,4 п.л.)
46. Тимофеев Д.В. Личность // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 535–537. (0,4 п.л.)
47. Тимофеев Д.В. Мордвинов Николай Семенович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 594–596. (0,5 п.л.)
48. Тимофеев Д.В. Новосильцев Николай Николаевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 649–651. (0,4 п.л.)

49. Тимофеев Д.В. Политическая экономия // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 736–738. (0,3 п.л.)
50. Тимофеев Д.В. Просвещение // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 778–780. (0,3 п.л.)
51. Тимофеев Д.В. Румянцев Николай Петрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 806–808. (0,4 п.л.)
52. Тимофеев Д.В. Румянцев Сергей Петрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 808–810. (0,3 п.л.)
53. Тимофеев Д.В. Свобода // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 839–842. (0,4 п.л.)
54. Тимофеев Д.В. Собственность // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 865–867. (0,4 п.л.)
55. Тимофеев Д.В. Тургенев Николай Иванович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 958–961. (0,5 п.л.)
56. Тимофеев Д.В. В поисках новых подходов к изучению общественно-политических настроений в России первой четверти XIX века: опыт системного анализа истории понятий // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репина. – М.: изд-во ЛКИ, 2011. С. 391–402. (0,8 п.л.)
57. Тимофеев Д.В. Система значений понятия «просвещение» в социально-политическом лексиконе российского подданного первой четверти XIX века: опыт контекстуального анализа // Имперская Россия/Classical Russia 1700–1825 / Ред. Е. Н. Марасинова. – Idyllwild: Charles Schlacks, 2010. Vol. 3–5. С. 21–48. (1,5 п.л.)
58. Тимофеев Д.В. «История понятий» и перспективы реконструкции общественно-политических настроений в России первой четверти XIX века // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сб. научн. ст. – Орел, 2010. С. 101–110. (0,4 п.л.)
59. Тимофеев Д.В. Взаимосвязь понятий «гражданин», «гражданское общество» и «государство» в российской публицистике и законодательстве конца XVIII – начала XIX века // Документ. Архив. История. Современность: Сб. научн. тр. Вып. 11. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2010. С. 226–239. (0,7 п.л.)
60. Тимофеев Д.В. «Государство» и «права граждан» в рамках дискуссий о способах обеспечения личной безопасности в России первой четверти XIX века //

Гуманитарные чтения РГГУ-2010. Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук. Сборник материалов. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 164–177. (0,6 п.л.)

Тимофеев Дмитрий Владимирович

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук